

КЛАССИКА

Дальнейшие приключения

РОБИНЗОНА КРУЗО,
ВТОРАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ ЧАСТЬ ЕГО ЖИЗНИ

Удивительное и захватывающее
повествование
о его странствиях по трем частям света.

Написано им самим

ПРЕДИСЛОВИЕ

Успех у читателя первой части этого сочинения объясняется необычайным богатством содержания и безукоризненностью исполнения.

Все попытки завистников упрекнуть сей труд в вымысле, выискивать в нем ошибки в географии, непоследовательность в изложении и противоречивость в фактах оказались безуспешными и столь же бессмысленными, сколь и злонамеренными.

Уместность каждого эпизода, религиозные и практические умозаключения, имеющие место в каждой главе, — не это ли послужит неопровержимым свидетельством доступности сего труда, пригодности всех тех эпизодов, каковые в противном случае могут быть сочтены чистейшим вымыслом или иносказанием?

Вторая часть — если таковая найдет своего издателя — столь же увлекательна, что и первая (что со вторыми частями бывает далеко не всегда). События, в ней описываемые, столь же необычны и удивительны и ничуть не менее разнообразны; и при этом так же серьезны и полезны. Не вызывает сомнения и то, что здравомыслящему и сообразительному читателю повествование принесет немалую выгоду и доставит удовольствие, ввиду чего сокращение сего труда явит-

ся делом не только постыдным, но вдобавок подлым и смехотворным. Ведь с потерей страниц книга потеряет и в ценности, лишится всех тех рассуждений, как религиозных, так и назидательных, каковые являются не только величайшим достоинством сего сочинения, но и весьма полезны для читателя.

Вследствие этого сочинение лишится ярчайших красок, и если будет сочтено, что вымысла в этой истории больше, чем правды, из нее будет изъята та польза, без которой повествование для разумных и добропорядочных людей теряет всякий смысл.

Тот вред, что завистники наносят собственнику этого сочинения, является деянием, которое вызовет неприятие у всех честных людей; и он полагает, что подобное деяние равносильно разбою или грабежу.

Если они не видят сходства в подобных преступлениях, то не усмотрят его и в наказании. Собственник же убежден: они за это преступление ответят, ибо, на его взгляд, нет им оправдания.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Разговор Робинзона с женой. —
Предложение племянника*

«Горбатого могила исправит»: история моей жизни лишний раз подтверждает правоту этой нехитрой мудрости, каковую мы в Англии так часто поминаем. Кто бы мог ожидать, что после нескончаемых невзгод, которые пришлось мне испытать и которые выпали на долю очень немногим; кто бы мог ожидать, что после без малого семи лет спокойной и благополучной жизни, когда, состарившись, я испытал на себе все преимущества среднего сословия, — у меня и по сей день сохранится природная склонность к бродяжничеству, о которой я поведал в первой части моих записок, и в шестьдесят один год у меня не возникнет желания оставаться дома и раз и навсегда покончить с жизнью, полной тревог и опасностей.

Тем более что никакой потребности пускаться в далекое путешествие у меня не возникало: я ни в чем не нуждался, ни к чему не стремился. Десять тысяч фунтов, которые я бы нажил, не сделали бы меня богаче, и мне самому, и тем, кого я должен был обеспечить, всего хватало. К тому же то имущество, коим я располагал, увеличивалось день ото дня, ибо семья моя была

невелика, и моего дохода было бы недостаточно лишь в том случае, если бы жил я не по средствам, обзавелся многочисленным потомством, завел много слуг и собственный выезд, предавался развлечениям — жил бы, словом, на широкую ногу. Однако о подобной жизни не имел я никакого понятия, да и не испытывал к ней ни малейшей склонности. Таким образом, мне оставалось и впредь продолжать вести спокойную, размеренную жизнь, радоваться тому, что у меня есть, и наблюдать, как достаток мой растет день ото дня.

И однако ж, все эти доводы не оказывали на меня никакого воздействия, во всяком случае, их было недостаточно, чтобы справиться с искушением, мучившим меня подобно тяжелой болезни, вновь пуститься в плавание. Особенно велико было у меня желание вновь побывать на своем острове и увидеть колонию, которую я там основал. Всю ночь напролет снился мне мой остров, и целыми днями только о нем я и мечтал. Мыслями я был там, в своем воображении я так живо рисовал его себе, что даже говорил о нем во сне. Иными словами, я не мог думать ни о чем другом, все разговоры сводились у меня к одному и тому же, и я стал замечать, что становлюсь обременителен.

От людей здравомыслящих мне не раз приходилось слышать, что все истории о привидениях и духах возникают исключительно из-за богатого воображения и неумеренной фантазии; в действительности же никаких духов и привидений в природе не существует. По их словам, вспоминая беседы со своими умершими друзьями, человек с богатым воображением столь живо их себе представляет, что порой, в исключительных обстоятельствах, воображает, будто видит их, разговаривает с ними и получает ответы на свои вопросы, тогда как на самом деле ничего подобного нет и быть не может.

Что же до меня, то я и по сей день не знаю, существуют ли и впрямь настоящие привидения, являются ли нам покойники или же все это следствие расстроенного воображения и бредовых фантазий. Зато я хорошо знаю, что иногда мое воображение так разыгрывается, что мне мнится, будто я и в самом деле высадился на острове, за деревьями прячется мой замок, мне навстречу выходят старик испанец, отец Пятницы и взбунтовавшиеся матросы, которых я оставил на острове. Мне снилось, что я разговариваю с ними и вижу их так же ясно, как если бы я бодрствовал и они стояли передо мной. Мое воображение так живо рисовало все эти картины, что мне самому иной раз становилось жутко. Однажды мне привиделось, будто первый испанец и отец Пятницы рассказывают о коварстве трех пиратов, о том, как они замыслили перебить всех испанцев и как подожгли весь запас провианта, собранного испанцами, дабы уморить их голодом. Ни о чем подобном слышать мне не доводилось, да и было это неправдой. Во сне же мне представилось все это так наглядно, так правдоподобно, что, пока я не увидел мою колонию собственными глазами, меня невозможно было убедить, будто подобного никак не могло произойти. Слушая во сне жалобы испанца, я пришел в ярость и учинил суровый суд над виновными, собственноручно допросил их и распорядился повесить всех троих. Насколько этот сон имел отношение к реальности, будет сказано в свое время. Сейчас же скажу лишь, что, хоть мне и неизвестно, какие потусторонние существа, сговорившись, внушили мне этот сон, многое из того, что мне приснилось, на поверку оказалось правдой. Правдой, прямо скажем, далеко не во всем, но в целом сон действительно соответствовал, был, как говорится, «в руку»: эти закоренелые негодяи повели себя столь

подлю, что если бы, оказавшись на острове, я подверг их суровому наказанию и даже если бы их повесил, то поступил бы справедливо перед законом божеским и человеческим.

Но возвращаюсь к своему рассказу. В таком состоянии прожил я несколько лет. Если что меня и радовало, если что и развлекало, то лишь размышления об острове. Моя жена, увидев, что занимает мои мысли, сказала мне однажды вечером со всей серьезностью, что, на ее взгляд, некие тайные силы свыше настаивают, чтобы я вновь отправился на остров, и если что и препятствует этому путешествию, то лишь мои обязательства перед женой и детьми. О том, чтобы со мной разлучиться, сказала жена, не может быть и речи, но, коль скоро у нее нет сомнений, что, умри она, и я бы, не теряя ни дня, туда отправился и что это решено на небесах, — препятствовать мне она не станет. А потому, если я и в самом деле настроен ехать... Тут она обратила внимание, что я прислушиваюсь к ее словам и смотрю на нее очень внимательно, и, смутившись, умолкла. Я спросил, отчего она замолчала и что хотела сказать, но тут только заметил, что она волнуется и на глазах у нее слезы. «Скажи, дорогая, — сказал я, — ты хочешь, чтобы я поехал?» — «Нет, — ответила она с чувством, — мне этого совсем не хочется. Но если ты принял решение ехать, нарушать твои планы я не стану, а потому поеду с тобой. И хотя мне кажется, что пускаться в столь далекое путешествие в твоём возрасте и в твоём положении безрассудно, я тебя не брошу, раз уж это решение свыше. — И она вновь зарыдала. — Если такова воля небес, противиться ей негоже. И если на небесах сочтено, что твой долг — ехать, стало быть, мой долг тебя сопровождать и не чинить тебе препятствий».